

3. Арбитражное решение приобретает преюдициальное значение только после признания государственным судом.

Согласно мнению ряда авторов, пока арбитражное решение не экзекватурировано, оно представляет собой лишь частный акт и образует не более чем опровержимую презумпцию.

Критики данного подхода отмечают, что требование о признании и приведении арбитражного решения в исполнение в рассматриваемом контексте излишне. Соответствующая процедура не предполагает исследования государственным судом установленных арбитражем обстоятельств, что вытекает из Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. Решение арбитража вступает в силу с момента вынесения и подлежит признанию именно ввиду своей обязательности. Процедура признания именно подтверждает юридическую силу решения, но не устанавливает ее.

В Республике Беларусь вопрос о преюдициальности арбитражного решения нормативного урегулирования не нашел. Судебной практике известны единичные случаи, в которых данный вопрос становился предметом оценки судами и арбитрами. Так, по одному из дел государственный суд отменил решение арбитража как противоречащее публичному порядку ввиду того, что его выводы не соответствовали другому арбитражному решению по делу между теми же сторонами, то есть была допущена переоценка одних и тех же фактических обстоятельств. Однако однозначного подхода не сформировано.

В целях устранения правовой неопределенности нами предлагается внести в законодательство об арбитраже изменения, предусматривающие придание арбитражным решениям преюдициального значения с момента:

1) их признания государственным судом в порядке, установленном процессуальным законодательством – для иностранных арбитражных решений;

2) их вступления в силу согласно ч. 3 ст. 41 Закона от 09.07.1999 № 279-З «О международном арбитражном (третейском) суде» – для арбитражных решений, выносимых на территории Республики Беларусь.

Тишалович К. Д.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

Тишалович Карина Дмитриевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, tishalovichk@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шаблинская Д. В.

Психологическое насилие является одной из форм насилия, наряду с физическим, которые в той или иной мере криминализированы в действующем Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК). При этом уголовное законодательство не использует термин «психологическое

насилие», а с учетом буквального толкования положений УК под насилием подразумевается только физическая его форма.

В белорусской юридической литературе используется термин *психическое насилие* как воздействие на психическую неприкосновенность человека. В контексте данного исследования термины «психическое насилие» и «психологическое насилие» предлагается считать равнозначными.

Закон Республики Беларусь от 04.01.2014 г. № 122-З (ред. от 06.01.2022) «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» оперирует понятием *«действия психологического характера»*, под которыми понимается воздействие на психику гражданина посредством угрозы, унижения чести и достоинства, совершения иных аморальных действий, которые объективно дают основания гражданину опасаться за свою безопасность или безопасность близких ему лиц.

Психологическое насилие криминализировано в ст. 145 и 146 УК, которые являются достаточно специфическими, поскольку деяния преступника направлены на конкретный результат в виде самоубийства. В качестве психологического насилия можно рассматривать также составы принуждения и угрозы убийством и причинением тяжких телесных повреждений (ст. 185 и 186 УК), иные составы, включающие элементы шантажа, угрозы.

Как можно заметить, деяния, являющиеся психологическим насилием (жесткий контроль со стороны агрессора за личной жизнью жертвы; игнорирование, молчание; унижение и оскорбление достоинства личности; насильственная алкоголизация или наркотизация лица, достигшего 18 лет; попытки полного подчинения воли жертвы и т. д.), в большинстве своем не носят характер уголовно противоправных, в связи с чем, на наш взгляд, уголовное законодательство имеет существенный пробел. Кроме того, законодательное определение использует термин «действия», тогда как не возникает сомнений, что бездействие также может оказывать негативное психологическое воздействие (например, игнорирование, непредоставление средств на содержание и др.)

Однако последствия психологического насилия не менее опасны, чем уголовно наказуемое физическое насилие. Психологическое насилие может привести к физическому насилию или смерти. Во многих случаях жертва психологического насилия даже не осознает характер и опасность действий насильника и то, что он переходит дозволенные границы. Люди, к которым применяется такое насилие, ощущают вину за случившиеся и впоследствии имеют низкую самооценку. Они подстраивают свое поведение под требования насильника, не имеют своего мнения и находятся в состоянии тревоги и глубокой депрессии. У жертв психологического насилия нередко случаются попытки самоубийства.

В данном случае последствия такого насилия определяются гораздо шире, в том числе включая вред психическому здоровью. Подобный вред невозможно определить без помощи специалиста, а потому для правильной

квалификации деяний лица необходимо назначать соответствующую экспертизу в отношении потерпевшего.

Исходя из вышеизложенного, предлагается сформулировать определение психологического насилия в Законе Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» следующим образом:

Психологическое насилие – умышленные противоправные деяния, включая словесные оскорбления, угрозы, в том числе в отношении третьих лиц, унижение, преследование, запугивание, другие действия, направленные на ограничение волеизъявления лица, если такие действия или бездействие вызвали у пострадавшего обоснованные опасения за свою безопасность или безопасность третьих лиц или повлекли возникновение психического расстройства (заболевания).

Формулировка единого определения создаст необходимый базис для дальнейшего совершенствования законодательства, в том числе и уголовного, например, для введения уголовной ответственности за домашнее насилие, одной из форм которого может выступать психологическое насилие.

Томильчик Е. О.

ПРОБЛЕМЫ НАРУШЕНИЯ АВТОРСКОГО ПРАВА НА НАБОРЫ ДАННЫХ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Томильчик Егор Олегович, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, tomilchikegor@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ядревский О. О.

С использованием технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) возникает ряд правовых проблем, в частности в сфере авторского права. Одной из таких проблем является нарушение прав субъектов, на данных которых были обучены системы ИИ. При этом мы можем наблюдать ряд судебных дел, которые свидетельствуют об этой проблеме: Getty Images (US), Inc. v. Stability AI, DOE 1 v. GitHub, Inc, Andersen v. Stability AI Ltd.

Исходя из анализа исследовательских работ в сфере машинного обучения (И. Саркер, Х. Салехи), оно включает 3 этапа: подготовка данных, обучение модели на собранных данных, тестирование модели.

Способ получения данных из веб-страниц является на данный момент самым распространенным и вызывающим наибольшее количество вопросов. Чаще всего данную процедуру называют «скрейпинг».

Профессор Р. Митчел делит процесс скрейпинга на 3 этапа: анализ сайта (website analysis), краулинг сайта (website crawling), организация данных (data organization).

В целях последующей квалификации правоотношений в сфере сбора данных для обучения ИИ необходимо определиться с юридической квалификацией сайта и скрейпинга.